

·thebigbook·

*Последний поезд
на Лондон*

Прекрасные
изгнанники

Мег Уэйт
Клейтон

ПОСЛЕДНИЙ
ПОЕЗД
НА ЛОНДОН

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 48

Meg Waite Clayton
THE LAST TRAIN TO LONDON
Copyright © 2019 by Meg Waite Clayton, LLC
Published by arrangement with Harper, an imprint
of HarperCollins Publishers
All rights reserved

Перевод с английского Натальи Масловой

Оформление обложки
Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

*Эта книга — художественное произведение.
Ссылки на реальных людей, события, учреждения, организации
или место действия обеспечивают чувство подлинности,
и только. Все остальные персонажи, события и диалоги —
плод фантазии автора и не могут быть истолкованы
как реальные.*

ISBN 978-5-389-19662-9

© Н. Маслова, перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

*НИКУ
и памяти
Майкла Литфина
(1945–2008),
рассказавшего моему сыну
историю «Киндертранспорта»,
которую тот передал мне,
и
Труус Висмюллер-Мейер
(1896–1978),
а также всем спасенным ею детям
посвящается*

Я помню: это было вчера или века назад...
И вот тот самый мальчик оборачивается ко
мне. «Скажи, — говорит он, — что сделал ты
с моими годами, что сделал ты со своей жизнью?»
...Даже один человек, если он честен
и смел, может изменить мир.

*Из речи Нобелевского лауреата Эли Визеля,
произнесенной в Осло 10 декабря 1986 года*

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

После аннексии Германией независимого государства Австрия в марте 1938 года и Хрустальной ночи в ноябре того же года начались отчаянные усилия по вывозу десяти тысяч детей в Британию. Этот роман, хотя и является художественным вымыслом, основан на подлинных событиях отправки из Вены первого из серии «киндертранспортов» — поездов с детьми. Им руководила Гертруда Висмюллер-Мейер, жительница Амстердама, которая начала спасать детей еще в 1933 году. Дети называли ее тетей Труус.

Часть первая

ВРЕМЯ ДО

Декабрь 1936 года

НА ГРАНИЦЕ

Крупные снежные хлопья придавали сказочность виду: призрачный белый замок за окном словно парил над вершиной белого холма под крики кондуктора:

— Бад-Бентхайм! Поезд прибывает в Бад-Бентхайм, Германия! Пассажирам, следующим в Нидерланды, приготовить документы.

Гертруда Висмюллер, голландка с твердым подбородком, крупным носом и резко очерченными бровями, с большим ртом и добрыми серыми глазами, наклонилась к малышу у нее на коленях и поцеловала его раз, потом другой, ненадолго задержавшись губами на его гладком лбу. Потом протянула ребенка сестре и сняла ермолку с головы их братика, который еще нетвердо стоял на ножках.

— *Es ist in Ordnung. Es wird nicht lange dauern. Dein Gott wird dir dieses eine Mal vergeben,* — ответила Труус на возражения детей на родном для них языке. — Все хорошо. Это ненадолго. Ваш Бог нас простит.

Когда поезд, шумно выдохнув напоследок, остановился, средний мальчик вдруг бросился к окну с криком «Мама!».

Труус, приглаживая ему волосы на затылке, проследила за его взглядом в заснеженное окно и увидела платформу. Там, несмотря на метель, немцы стояли в упорядоченных очередях, носильщик толкал нагруженную багажную тележку, сутулый человек-сэндвич

расхаживал с рекламой какого-то ателье на спине и на груди. Ага, вот и она. Стройная женщина в черном пальто и шарфе стоит у прилавка с сосисками, спиной к поезду. Это ее громко зовет мальчик:

— Мааа-мааа!

Женщина повернулась к ним лицом и, лениво откусывая от сосиски, стала разглядывать доску с объявлениями. Мальчик съежился. Конечно, это была не его мама.

Труус притянула ребенка к себе, шепча:

— Тише, тише, тише, — боясь обещать ему несбыточное.

Вдруг с шипением и лязгом распахнулась дверь вагона. Пограничник в форме подал руку, чтобы помочь сойти на платформу пассажирке — беременной немке, которая оперлась на его руку своей, затянутой в перчатку. Труус расстегнула перламутровые пуговицы собственного перчаток из желтой кожи и опустила широкие манжеты, украшенные элегантными черными полосками. Стянув перчатки — подкладка слегка цеплялась за крупный перстень с рубином, зажатый между двумя другими кольцами, — она обеими руками, кожа на которых уже начала подсыхать и покрываться пигментными пятнами, вытерла мальчику слезы.

Поправляя детям волосы и одежду, она говорила с ними, обращаясь к каждому по имени, а сама зорко следила за укорачивающейся очередью у выхода из вагона.

— Ну вот, — закончила она, вытирая малышу ротик в тот самый миг, когда вышел последний пассажир. — Теперь идите и мойте ручки, как мы с вами учились.

Пограничник-наци уже поднимался в вагон.

— Мойте как следует, без спешки, — спокойным голосом сказала Труус и, обращаясь к девочке, добавила: — Подержи братишек в туалете подольше, милая.

— До тех пор, тетя Труус, пока вы не наденете перчатки, — ответила девочка.

Ни у кого не должно было возникнуть подозрения, будто она прячет детей, в то же время ей не хотелось, чтобы они были рядом, пока она будет торговаться. «Значит, будем привлекать взгляд не к тому, что на виду, а к тому, что скрыто», — подумала она и машинально поднесла к губам рубин.

Она открыла сумочку, слишком изящную и «дамскую». Знай она, что придется возвращаться в Амстердам с тремя ребятишками, взяла бы что-нибудь посolidнее. Снимая одно за другим кольца, Труус складывала их в сумочку, прислушиваясь, как за ее спиной дети топочут в сторону туалета.

Пограничник уже стоял перед ней. Он был молод, но не настолько, чтобы не быть мужем, а то и отцом.

— Ваши визы? У вас есть визы на выезд из Германии? — требовательно обратился он к Труус, единственному взрослому человеку в вагоне, не считая его самого.

Труус продолжала копаться в сумочке, точно ища требуемые документы.

— Ох уж эти дети, голова с ними кругом, — добродушно пожаловалась она молодому пограничнику, а ее пальцы впились в голландский паспорт, одиноко лежавший у нее в сумочке. — У вас уже есть дети, офицер?

Тень несанкционированной улыбки скользнула по его лицу.

— Жена ждет первенца, к Рождеству должна родить.

— Как вам повезло! — воскликнула Труус и, пока пограничник смотрел в конец вагона, где звонко лилась в раковину вода и, словно птички, чирикали дети, улыбнулась собственному везению.

Она молчала. Пусть молодой человек проникнется мыслью о том, что скоро у него самого родится малыш, который сначала будет беспомощным, как маленький Алекси, потом подрастет, научится ходить, как Израиль, а после станет совсем большим, как умница Сара.

Труус сидела, поглаживая рубин, искрящийся теплым светом на единственном кольце, оставшемся у нее на руке.

— Наверное, вы уже купили жене подарок. Что-нибудь особенное, в память о таком событии.

— Особенное? — рассеянно повторил наци, вновь поворачиваясь к ней.

— Красивую вещицу, которую ваша жена будет носить постоянно и которая будет напоминать ей о рождении первенца. — Она сняла с пальца кольцо и добавила: — Вот такую, к примеру. Мой отец подарил это моей матери в день, когда родилась я.

Ее бледные пальцы не дрожали, когда она протянула пограничнику кольцо, а с ним одинокий паспорт.

Пограничник недоверчиво взглянул сначала на кольцо, потом взял паспорт, пролистал его, снова бросил взгляд в конец вагона:

— Это ваши дети?

Дети голландцев обычно вписывались в паспорта родителей, но в ее паспорте никаких детей не значилось.

Она повернула кольцо так, чтобы свет заиграл на граненой поверхности камня, и сказала:

— Дети, они ведь дороже всего на свете.

МАЛЬЧИК ВСТРЕЧАЕТ ДЕВОЧКУ

Штефан выскочил за дверь, слетел по заметенным снегом ступеням и помчался к Бургтеатру. По улице он бежал, и сумка на боку при каждом шаге хлопала его по школьной куртке. Но у магазина канцелярских принадлежностей он все же притормозил: в витрине по-прежнему стояла она, пишущая машинка. Он поправил очки, поднес к стеклу пальцы и сделал вид, будто печатает.

По площади, где уже всюю бушевала рождественская ярмарка и пахло глинтвейном и имбирными пряниками, мальчик бежал, работая локтями и то и дело бормоча направо и налево:

— Извините! Простите! Извините! — Шапку он надвинул почти на нос, чтобы его не узнали.

Он был из почтенной семьи: его предки разбогатели на производстве шоколада, дело открыли на собственные деньги и никогда не превышали кредит в банке Ротшильда. И если кто-нибудь нажалуется его отцу, что он опять сбил на улице с ног старушенцию, то вожденная пишущая машинка останется под освещенной разноцветными огоньками елкой в витрине на Ратхаусплац и ни за что не попадет под елку в зимней галерее их дома.

— Добрый день, герр Кляйн! — махнул Штефан старику-киоскеру, торговавшему газетами.

— Где ваше пальто, мастер Штефан? — окликнул его продавец.

Штефан взглянул на себя — опять забыл пальто в школе! — но замедлил шаг только на Рингштрассе, где дорогу ему преградили нацисты: целая группа с плакатами в руках выскочила откуда-то, точно из-под земли. Но мальчик ловко нырнул в оклеенный афишами павильон и загрохотал по железным ступеням вниз, в самую тьму венского подземелья, а выскочил уже на другой стороне улицы, прямо у дверей Бургтеатра. Рванув на себя дверь и перескакивая через две ступеньки, он скатился в полуподвал, где работала маленькая мужская парикмахерская.

— Мастер Нойман, какой сюрприз! — приветствовал Штефана герр Пергер, его белые брови удивленно скользнули вверх над черной оправой круглых очков — таких же, как у Штефана, только сухих, а не мокрых от снега, и замер в полупоклоне, с метелкой и совком в руках: он подметал волосы предыдущего клиента. — Но разве я не...

— Только подровнять, чуть-чуть. Прошло уже несколько недель.

Герр Пергер выпрямился, стряхнул в мусорное ведро состриженные волосы и поставил совок с метелкой в угол, туда, где стояла, прислонившись к стене, виолончель.

— Ну что ж, должно быть, старые мозги не так памятьливы, как молодые, — добродушно произнес он и кивнул на кресло. — А может быть, память подводит и юношей, не обделенных карманными деньгами?

Штефан бросил сумку, и пара страниц его новой пьесы выскользнула из нее на пол, но это ничего — герр Пергер знает, что он пишет. Скинув куртку, мальчик сел в кресло и снял очки. Мир сразу утратил четкость и стал волшебным: метелка словно вальсировала

в углу с виолончелью, в зеркале над отражением знакомого галстука повисло чужое лицо. Но вот парикмахерская накидка герра Пергера коснулась его плеч, и мальчика передернуло: он терпеть не мог стричься.

— Я слышал, в театре думают репетировать новую пьесу, — начал он. — Чью? Цвейга?

— Ах да, вы ведь большой поклонник герра Цвейга. Как же я мог забыть? — с добродушной насмешкой ответил Отто Пергер, который знал все, что только можно было знать, и об артистах театра, и о пишущих для него драматургах.

Друзья Штефана Ноймана терялись в догадках, откуда он столько всего знает о театре, и думали, что он знаком с кем-нибудь из актеров, а то и с режиссером.

— Матушка герра Цвейга все еще живет в Вене, — сказал Штефан.

— Но сам он, с тех пор как перебрался в Лондон, не афиширует свои приезды сюда. Впрочем, должен вас разочаровать: ставить думают не его, а Чокора — «Третье ноября тысяча девятьсот восемнадцатого», о последних днях Австро-Венгрии. Однако вокруг пьесы плетутся интриги, и многие сомневаются, что она вообще увидит свет ramпы. К несчастью, герр Чокор живет буквально на чемоданах. Но я слышал, что работа над постановкой все-таки движется, хотя в ее рекламную кампанию пришлось включить заявление о том, что пьеса не содержит оскорбительных намеков в адрес ни одной из наций, входивших в состав бывшей Германской империи. В общем, потихоньку-полегоньку жизнь продолжается.

Отец Штефана наверняка возразил бы сейчас, что они живут в Австрии, а не в Германии и что нацистский мятеж здесь подавлен давным-давно. Но Штефан плевать хотел на политику. Его волновало лишь одно: кому достанется главная роль.

— Может быть, угадаете? — предложил герр Пергер, разворачивая мальчика к себе лицом вместе с креслом. — Как я помню, вы большой мастер догадок.

Штефан прикрыл глаза и снова не смог сдержать дрожь, хотя обрезанные волосы, к счастью, не сыпались ему на лицо.

— Вернер Краусс? — предположил он.

— Только подумайте! — с неподдельным, а потому удивительным энтузиазмом воскликнул герр Пергер.

Он вновь развернул кресло к зеркалу, и Штефан опять вздрогнул, увидев в его стеклянной глубине, расплывчатой без очков, что старый мастер вовсе не торгует его блестящей догадкой, а обращается к девушке, чья голова выглядывала из-за вентиляционной решетки в стене возле него, словно росток подсолнуха на картине сюрреалиста. Один миг, и она оказалась перед ним — запыленные очки, светлые косы и молодые грудки, обтянутые платьем.

— Ну вот, Зофия Хелена, твоей маме придется возиться с этим платьем всю ночь, чтобы оно опять стало чистым, — произнес герр Пергер.

— Вообще-то, дедушка Отто, это был не совсем честный вопрос, ведь главных мужских ролей две, — весело сказала девушка.

И что-то в душе Штефана шевельнулось, откликаясь на ее голос, высокий и чистый, как начальный си-бемоль в «Аве Мария» Шуберта. Этот голос, поэтическое имя девушки — Зофия Хелена, — близость ее маленьких грудок — все это волновало его.

— Это лемниската Бернулли. — Она притронулась к золотому символу, висевшему у нее на цепочке. — Аналитически нулевая точка многочлена x^2 квадрат плюс x игрек квадрат минус результат x^2 квадрат минус x игрек квадрат, помноженное на два C квадрат.

— Я... — Штефан запнулся и залился краской.

Ему было стыдно, что девушка перехватила его взгляд, когда он смотрел на ее грудь, даже если она неверно истолковала его причину.

— Мне подарил его папа, — сказала она. — Он тоже любит математику.

Герр Пергер освободил Штефана от накидки, подал ему очки и отмахнулся от протянутой медно-никелевой монеты, сославшись на отсутствие сдачи. Мальчик нагнулся, подобрал с пола листки и затолкал их в сумку. Ему не хотелось, чтобы эта девочка видела его пьесу, или знала, что у него есть пьеса, или даже думала, будто он считает, что вообще может написать нечто, заслуживающее прочтения. Вдруг он застыл, пораженный мыслью: «А что, если пол был грязный?»

— Познакомьтесь, мастер Штефан, это моя внучка, — сказал Отто Пергер; ножницы все еще были у него в руке, а метелка с совком спокойно стояли под боком у виолончели. — Зофи, этот молодой человек, Штефан, так же увлечен театром, как и ты, но гораздо больше тебя заботится о своей прическе.

— Рада знакомству, Штефан. Вот только зачем ты пришел стричься, мне непонятно. Тебе же совсем не нужна стрижка.

— Зофия Хелена! — сурово одернул ее дед.

— Я все слышала и видела из-за решетки. Стрижка тебе не нужна, и дедушка Отто только делал вид, будто стрижет. Но погоди, ничего не говори! Дай мне самой сделать вывод. — Она обвела комнату взглядом, который, скользнув по виолончели в углу, по вешалке для пальто у двери, по деду, снова вернулся к Штефану, а затем метнулся к его сумке. — Ты актер! А дедушка знает все об этом театре.

— Думаю, мой ангел, ты скоро узнаешь, что Штефан — писатель, — сказал Отто Пергер. — А еще ты должна знать, что писатели порой совершают стран-

ные поступки исключительно ради обогащения жизненного опыта.

Зофия Хелена взглянула на Штефана с интересом:

— Правда?

— Я... На Рождество мне подарят пишущую машинку! — выпалил Штефан. — То есть я надеюсь, что подарят.

— Специальную?

— Почему специальную?

— Нелегко, наверное, быть левшой?

Пока Штефан смущенно разглядывал свои руки, девушка отодвинула решетку и, опустившись на четвереньки, снова скрылась в стене, но тут же высунула голову.

— Пошли, Штефан! — позвала она. — Еще чуть-чуть, и репетиция закончится. Надеюсь, тебя не пугает перспектива добавить немного саж и пыли к чернильным пятнам на рукаве, а? Ради обогащения жизненного опыта?

РУБИНЫ ФАЛЬШИВЫЕ И НАСТОЯЩИЕ

Перламутровая пуговка оторвалась от манжеты на перчатке Труус, пока она, одной рукой прижимая к себе малыша, другой ловила среднего мальчика. Тот так засмотрелся на массивный металлический купол железнодорожного вокзала в Амстердаме, что едва не свалился с верхней ступеньки вагона.

— Труус! — окликнул ее муж, подхватил мальчика и опустил его рядом с собой на платформу, затем помог спуститься девочке и, наконец, самой Труус с малышом.

Оказавшись на платформе, Труус позволила мужу обнять себя — проявление супружеской нежности, которое они редко допускали на публике.

— Гертруда, — начал он, — неужели фрау Фрайер не могла...

— Пожалуйста, Йооп, не надо об этом сейчас. Что сделано, то сделано, к тому же я уверена, что молодой жене того офицера, который помог нам переправиться через границу, рубин моей матери пригодится куда больше, чем мне. Скоро ведь Рождество, надо быть щедрыми, разве ты забыл?

— Господи боже, только не говори мне, что ты рискнула подкупить нациста подделкой!

Труус чмокнула мужа в щеку:

— Милый, ты ведь говорил, что сам не различаешь, который из моих перстней настоящий, а какой поддельный, так что, думаю, обман не скоро раскроется.

Йооп расхохотался и, неуклюже приняв младенца из рук жены, тут же заворковал над ним: оба любили детей, хотя своих завести так и не смогли, сколько ни пытались. Труус, чьи руки больше не согревал ребенок, сунула их в карманы пальто и тут же нащупала в одном из них спичечный коробок, о котором совсем забыла. Ей дал его в поезде доктор, тот, странный. Он долго глядел на детей влюбленным взглядом и вдруг протянул ей коробочку.

— Вы — посланец Бога, вне всякого сомнения. — И объяснил, что в коробке — его счастливый камень, талисман, который он всегда носит с собой, а теперь хочет подарить ей. — Это чтобы с вами и с детьми ничего не случилось, — настаивал он, открывая коробок и показывая ей камень; тусклый, серый, он годился разве на то, чтобы служить талисманом. — Когда хоронят еврея, люди несут на могилу не цветы, а камни, — добавил он так, что отказаться от его подарка стало невозможно.

Правда, доктор пообещал забрать свой талисман назад, когда ему самому понадобится удача. В Бад-Бентхайме он сошел, а поезд пополз дальше, через германо-нидерландскую границу. И вот, стоя вместе с детьми на платформе в Амстердаме, Труус подумала, может быть, этот невзрачный камешек и впрямь обладает какой-то охранительной силой.

— Так-то, малыш, — говорил между тем Йооп младенцу, — придется тебе расти, чтобы стать большим, сильным и совершить великие дела, иначе как мы с тобой оправдаем риск, которому подвергала себя моя невеста? — Но как ни тревожила Йоопа эта незапланированная спасательная операция, он не стал критиковать жену, молчал он и когда Труус планировала поездки в Германию за детьми; чмокнув малыша в щечку, он добавил: — Нас ждет такси.

— Такси? Тебе что, жалованье прибавили?

Это была шутка. Йооп сам был банкиром, экономным до мозга костей, но при этом романтичным настолько, что, прожив с женой двадцать лет, все еще звал ее невестой.

— От трамвайной остановки до дома их дяди и так далеко идти, а тут еще снег, — оправдывался он. — Да и доктор Грунвельд вряд ли захочет, чтобы племянники и племянница его друга отморозили себе носы и щеки.

Друг доктора Грунвельда. Это все объясняет, думала Труус, когда ажурный купол вокзала над их головами сменился ветвями деревьев в белом кружевном уборе, в глаза ударила резкая белизна замерзшего канала, а под ногами захлюпала жижа из снега и грязи. Так работал Комитет по еврейским нуждам: голландские граждане вызывали к себе племянников и племянниц; знакомых знакомых; детей друзей и партнеров по бизнесу. И как часто от наличия таких связей, далеких, порой мимолетных, зависела чья-то жизнь.

ВЕНСКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ

ДОМ, ГДЕ РОДИЛСЯ ГИТЛЕР, СТАНОВИТСЯ МУЗЕЕМ

Отношения между Австрией и Германией
остаются напряженными, несмотря на летнее соглашение

Кэте Пергер

БРАУНАУ-АМ-ИНН, АВСТРИЯ, 20 декабря 1936 года. Владелец дома, где родился Адольф Гитлер, отдал две комнаты под музей. Австрийские власти в Линце разрешили публичное посещение при условии, что в дом будут впускать только посетителей из Германии, а не австрийских граждан. Если оно будет нарушаться или дом превратится в регулярное место проведения нацистских демонстраций, музей будет закрыт.

Открытие музея стало возможным после заключения 11 июля Германо-австрийско-

го соглашения с целью вернуть наши нации к отношениям нормального и дружеского характера. По условиям данного документа Германия признает полную независимость Австрии и соглашается считать политическое устройство нашей страны делом международным, а потому не подлежащим германскому влиянию — уступка со стороны Гитлера, который серьезно возражает против решения правительства Австрии удерживать в тюремном заключении членов Австрийской нацистской партии.

СВЕЧИ НА РАССВЕТЕ

Зофия Хелена с замиранием сердца подходила к запыленной снегом изгороди и высоким кованым воротам роскошного особняка на Рингштрассе. Чтобы успокоиться, она положила ладонь на розовый в клеточку шарфик — подарок бабушки ей на Рождество, — мягкий, как материнское прикосновение. Этот дом был куда больше того, в котором размещалась квартира ее родителей, и намного наряднее. Четыре этажа с колоннами, арки нижнего словно поддерживали три верхних, где прямоугольники французских окон выходили на балконы с каменными балюстрадами, а пятый, не такой высокий, как другие, украшали каменные статуи. Они то ли подпирали шиферную крышу, то ли караулили прислугу, для которой этот этаж, несомненно, и предназначался. Не может быть, чтобы в таком доме действительно жили люди, и уж тем более Штефан. Она хотела повернуться ко всему этому великолепию спиной, когда из привратничьей показался человек в пальто и цилиндре и распахнул перед ней ворота. Едва она шагнула внутрь, как резная дверь парадного входа отворилась и по ступенькам, сухим и чистым, как в разгар лета, сбежал Штефан.

— Смотри! Я написал новую пьесу! — воскликнул он, потрясая перед ней какими-то листками. — И напечатал ее на машинке, которую подарили мне на Рождество!

Привратник тепло улыбнулся:

— Мастер Штефан, не желаете ли пригласить гостью в дом?

Внутри особняк оказался еще роскошнее, чем снаружи: великолепные люстры, сложные геометрические узоры на мраморном полу, величественная лестница и везде картины, но все такие необычные: то осенние березы в какой-то чудной, искривленной перспективе, то приморская деревушка на склоне холма, жизне-радостная до оскомины; а вот странный портрет дамы, очень похожей на Штефана, — те же страстные глаза, длинный прямой нос, красные губы и почти неуловимая ямочка на подбородке. Волосы дамы на портрете были убраны наверх, полностью открывая лицо, а на щеках горели красные царапины: их тревожная изысканность наводила на мысли скорее о красоте и здоровом румянце, чем о боли, и все же Зофи подумала именно о ней. Из большой гостиной текли звуки Первой виолончельной сюиты Баха, мешаясь с оживленными голосами гостей, собравшихся у фортепиано: его крышка с изысканной отделкой из золотых листьев была поднята, а на внутренней стороне большая белая птица с раскинутыми крыльями несла в лапах позолоченную трубу.

— Ее еще никто не читал, — прошептал Штефан. — Ни одного слова.

Зофи снова взглянула на рукопись, которую он протягивал ей. Неужели он хочет, чтобы она прочла это прямо сейчас?

Привратник — Штефан называл его Рольф — подсказал:

— Надеюсь, ваша гостя хорошо провела Рождество, мастер Штефан?

СОДЕРЖАНИЕ

Примечание автора	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Время до <i>Декабрь 1936 года</i>	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Время между <i>Март 1938 года</i>	129
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Время после <i>Январь 1939 года</i>	509
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. И потом... ..	561
Благодарности	566

Клейтон М. У.

К 48 Последний поезд на Лондон : роман / Мег Уэйт Клейтон ; пер. с англ. Н. Масловой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 576 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-19662-9

1936 год. Вена. Пятнадцатилетний Штефан и его подруга Зофи весело проводят время с друзьями: гуляют по городу, ходят в кафе, исследуют венские подземелья. Но все резко меняется, когда в 1938 году Гитлер захватывает Австрию. Нацисты убивают отца Штефана, отправляют его семью в гетто, а сам Штефан вынужден скрываться, чтобы избежать отправки в трудовые лагеря. Мать Зофи арестовывают за издание антинацистской газеты.

Уже несколько лет Гертруда Висмюллер, рискуя жизнью, вывозит еврейских детей из Германии в страны, готовые их принять. Ей удастся договориться с представителями Великобритании о приеме детей-беженцев и получить разрешение правительства новой нацистской Германии. Первый поезд из Австрии увозит 600 детей, и среди них Штефана, его маленького брата и Зофи, в Англию. Но что ждет их там? Сколько еще таких поездов удастся организовать Гертруде Висмюллер? И какова судьба последнего поезда на Лондон?

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44**

Литературно-художественное издание

МЕГ УЭЙТ КЛЕЙТОН
ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД
НА ЛОНДОН

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Ольга Давидова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Татьяна Бородулина, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.05.2021. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 25,38.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBB-28416-01-R